

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Людмилы ГОРЕЛИК
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Русское сокровище Наполеона

Утраченный дневник Гете

Взлетающий Демон Врубеля

Сокровище кикиморы

Золотой идол викингов

АРТЕФАКТ
&
ДЕТЕКТИВ

Людмила ГОРЕЛИК

Золотой идол
ВИКИНГОВ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г68

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Редактор серии *А. Антонова*

Горелик, Людмила Львовна.

Г68 Золотой идол викингов : [роман] / Людмила Горелик. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-118918-1

Золотой языческий идол принадлежал древнему народу, но перед смертью шаман проклял его и всех, кто с ним был связан. Это проклятие действует до сих пор... Сергей Воробьев и его подруга Стелла вместе с руководителем археологического кружка Карлом Шлоссером начали несанкционированные раскопки кургана неподалеку от Смоленска. Какова же была их радость, когда они обнаружили древнего золотого идола! Правда, они еще не представляли, чем обернется эта находка...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горелик Л., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-118918-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

ПРИГЛАШЕНИЕ И ПЕРЕЕЗД

ла весна 1991 года. Все рушилось, все подвергалось сомнению, все было в движении. Тут-то, среди всеобщего разнонаправленного потока новизны, как снег на голову свалилось на Веру Ильичну это заманчивое предложение.

Когда зазвонил телефон, она как раз доклеивала обои в прихожей. К тому времени Вера Лопухова уже четвертый год делала ремонт в новой квартире, вкладывая в него всю свою до недавних пор очень приличную зарплату заведующей лабораторией на крупном заводе и всю душу. Это была ее первая собственная квартира. Получила ее Верочка в возрасте «за сорок».

До двадцати восьми лет Вера жила в Смоленске с родителями. И следуя их советам, все время училась, повышала квалификацию.

Ее прилежание было оценено: когда квалификация выросла, Вере предложили прекрасную должность заведующей химической лабораторией. Но далеко, в чужом южноуральском городке.

Вера тогда согласилась с радостью, потому что в Смоленске устроиться по своей специальности (высокомолекулярная химия) ей не светило: не так много требовалось специалистов, их вполне хватало.

Уезжать из родного города очень не хотелось, однако неизбежность переезда была очевидной: прожить жизнь с родителями в двухкомнатной хрущевке, перебиваясь на нелюбимой и низкооплачиваемой работе, — малопривлекательная судьба.

Переехав, она быстро привыкла к новому месту. В заводском общежитии, где Вера прожила одиннадцать лет, ей было хорошо. Она жила в отдельном отсеке, включавшем комнату с кухней. И одинокой она себя не чувствовала: у нее быстро образовался свой круг, неплохая компания, состоящая из соседей и сослуживцев. По преимуществу люди без семьи и почти ровесники, они вместе проводили досуг: катались на лыжах, ходили в лес на шашлыки, все праздники отмечали вместе.

Все же, когда получила квартиру, Вера очень обрадовалась. Квартира в новом, белого кирпича, доме с квадратной светлой комнатой, с большой лоджией и просторной кухней принадлежала лично Верочке, она вызывала восторг...

Вера вылизывала ее, как кошка котенка. Три года она потратила на исправление строительных недоделок и благоустройство своей прекрасной квартиры.

А когда доклеивала обои в прихожей, раздался телефонный звонок. Предлагали работу квалифицированного химика в Смоленске.

Вера Ильинична растерялась: она не хотела уезжать, однако и отказаться было никак нельзя. За пятнадцать лет она привыкла к новому пространству, к местной природе, полюбила принявший ее уральский город и не думала об отъезде. Тем более родители к этому времени уже умерли... И все же... Это был родной город, который Верочка часто вспоминала. И, конечно, там жила Надя, ее родная сестра, племянники, по которым Вера тоже скучала, — а здесь, на Урале, вообще никаких родственников, только друзья...

Надя преподавала английский язык в Смоленском энергоинституте. Ее муж работал

инженером на заводе. У них было двое детей. Старший Петя уже учился в институте, а Люба оканчивала седьмой класс. Можно будет приходить к ним, общаться... Все-таки это почти своя семья.

Несмотря на наличие друзей, Вера иногда чувствовала себя одинокой в уже привычном и любимом, но все же, как ни крути, не родном уральском городе.

Однако решиться на переезд было трудно. С сомнением, с неохотой, плохо веря в то, что действительно переедет, Вера начала подыскивать обмен.

В 1991-м квартиры у советских граждан были еще неприватизированными, их следовало не продавать, а обменивать.

В глубине души Вера надеялась, что не сможет обменять свою квартиру, замечательную, конечно, но расположенную в небольшом промышленном городке, не столь красивом, как Смоленск. И тогда не надо будет уезжать.

Обмен, однако, предложили быстро. Как только по заводу и городу разнесся слух, что Лопухова уезжает в Смоленск, к ней явился незнакомый мужчина. Его тесть жил в Смоленске и с радостью согласился бы на обмен с Верой.

— Он там, считай, один живет — есть только дальние родственники. А он к дочери поближе хочет переехать. У него отдельная двухкомнатная квартира в центре города — правда, требующая ремонта... — рассказывал этот человек.

Одновременно он внимательно оглядывал Верину комнату. Замечательную, с большой застекленной лоджией, только что прекрасно отремонтированную, да!

— А на какой улице? — рассеянно спросила недовольная Верочка.

«Знаем мы ваш центр! — думала она. — Заднепровье, небось! Берлога какая-нибудь...»

Она все еще надеялась, что обмен по каким-либо причинам не подойдет. Уж очень не хотелось уезжать.

— Сейчас... — Незнакомец порылся в кармане и достал тетрадный листок. — Вот тут адрес жена записала.

— Улица Ленина, дом три... — прочитала Вера Ильинична и не поверила своим глазам. — Кажется, я жила там рядом... В детстве... — сказала она этому незнакомому человеку.

Говорить не надо было, наверное. Но от неожиданности Лопухова потеряла самоконтроль.

— Наш дом был номер один, это рядом, а какой же третий, я плохо сейчас представляю. Надо съездить посмотреть.

На майские праздники Вера отправилась в Смоленск.

Первое мая в том девяносто первом году еще отмечалось, хотя как-то вяло.

Лопухову легко отпустили с демонстрации, выезжала она 29 апреля. Две подруги провожали ее на вокзал.

Весна была ранняя, солнечная, теплая, пахло зелеными листочками и нежной весенней сыростью.

Смоленск встретил осенним дождем, холодом. А Верочка приехала в легком плаще.

Все было мрачным, никаких зеленых листиков деревья даже не обещали. Молча гнули под дождем и ветром черные ветви.

«Нет, не надо переезжать», — подумала Вера Ильинична.

Под влиянием погоды воспоминания нахлынули не очень приятные.

Свои детские годы Вера любила, вспоминала их с радостью и даже умилением, но после окончания института начались многолетние поиски работы, чувство собственной ненужности...

Нет, ничего веселого в ее смоленской молодости не было.

Вот и сейчас ей сразу стало холодно. Кроме дождя, никто ее на вокзале не встречал.

Вера и не ждала: сестра и ее муж на работе, племянники учатся.

Доехала на трамвае, взяла ключ, как было договорено, у соседней...

Вечером, конечно, велось много разговоров.

Верочка была откровенна: сказала, что на счет переезда сомневается.

И Надя, и племянники, и Надин муж Саша были Верочке рады, однако, чувствуя ее настроение, переезжать не уговаривали: смотри сама, как тебе лучше.

На другой день, проводив родственников на работу или учебу, Вера надела Надину теплую куртку и отправилась смотреть квартиру.

Дом оказался не рядом, а тот же! Как-то перетасовались номера, и этот бывший некогда номером первым дом стал номером третьим! В этом доме она жила с двух до четырнадцати лет... Необыкновенное время!

Вера была впечатлительная и хорошо помнила те детские годы. Семнадцатиметровая

комната, где они жили впятером с 1950 по 1963 год, до сих пор часто ей снилась.

На покрашенной бежевой краской двери прибита планка, там висят на гвоздях пальто и шапки всех домочадцев — как дверь выдерживает? Стены покрыты нежно-салатового цвета известкой и украшены серебряным «накатом», имитирующим обои. По правой стене впритык друг к другу теснятся: кровать тети Мани, диван, на котором вечерами, стряхивая сигаретный пепел мимо стоящей на столе пепельницы, сидит и курит обложенный газетами и книгами папа, а ночью спит маленькая Верочка, огромный буфет, загораживающий почти всегда сырой, с проступающей кое-где плесенью угол (этаж последний, крыша здесь протекает). Затем высокое узкое окно, и по другой стене кровать родителей, шифоньер с зеркалом, кровать сестры, узкая этажерка с книгами в углу. Квадратный стол посередине: за ним и обедают, и уроки делают. Стол покрыт пестрой клеенкой со светлыми вытертыми пятнами (это пролившиеся чернила оттирали содой), три стула и продавленный диван теснятся вокруг...

Очкастый молодой человек, двоюродный племянник хозяина квартиры, встречает ее на углу.

Тот же подъезд!

— Нам на третий этаж, — говорит юноша.

Тонкая болезненная иголочка колет в сердце Веры: «Неужели?!»

Лестница та же: крутая и длинная (здесь высокие потолки), заплеванная, с чугунной витой решеткой перил, с вьезшейся в деревянные поручни грязью.

— К сожалению, у дяди все окна выходят во двор, — продолжает рассказывать парень.

И иголочка в сердце отпускает, одновременно с облегчением и болью: окно комнаты Лопуховых выходило на улицу.

Сестры Лопуховы, Надя и Вера, любили смотреть в окно, особенно в мае, когда улица Ленина оживала. К началу шестидесятых ее сделали пешеходной, и по вечерам на эту улицу выходила почти вся молодежь города. Сотни пар ног шаркали по асфальту, слышался звонкий девичий смех, выкрики...

Надины одноклассники махали снизу руками, кричали ей что-то в окно, она отвечала, сильно высовываясь за раму... Мама ругала ее за это.

Случалось, Надя выскакивала из квартиры, присоединялась к друзьям...

— Верочку возьми! — строго приказывала мама. — Иначе не пойдешь: пусть она тоже по воздуху прогуляется!

— Да, все три окна во двор... — продолжает сопровождающий. — Ну, сейчас сами посмотрите.

«Не наша, значит...» — Вера глубоко вздохнула.

Она ведь уже почти поверила.

Квартира находилась напротив той коммуналки, где когда-то жили Лопуховы.

На площадке были всего три двери: бывшая лопуховская коммуналка, нынешняя квартира, предложенная Вере на обмен (здесь тогда тоже была коммуналка, но кто в ней жил, она теперь совершенно не представляла), а за третьей дверью была не квартира, а комната — она началась сразу, без прихожей, и кухни там тоже не было.

Эту комнату Вера хорошо помнила: там жила косоглазая Светка — в женском царстве, с мамой, тетей и бабушкой. Их фамилия была Соловьевы. С ними дружила Верочкина теть Маня, иногда Верочка ходила туда с ней в гости, играли со Светкой, пока взрослые беседовали. В этой большой, метров двадцать, комна-

те всегда пахло керосином: готовили здесь же, на примусе.

Молодой человек постучал в дверь каким-то условным стуком («Звонок оборван, чинить придется», — отметила Вера), залязгали замки, потом цепочка, и Вера отвлеклась от воспоминаний.

Хозяин оказался деловым, ушлым мужиком за пятьдесят. В квартиру эту он с дочерью переехал шесть лет назад — поменялся из Ярцева. Вначале была одна комната, а после смерти соседки ему оставили и другую. Не стали никого подселять, «потому что дочь, что к вам на Урал замуж вышла, тоже здесь прописана, не выпиывалась отсюда», — так он пояснил.

Да... И мир тесен, и люди чего только не выдумают для улучшения собственных жилищных условий.

Квартира, давно не отремонтированная, находилась в плачевном состоянии. Очевидно, хозяин изначально думал об обмене, отремонтировать ему было невыгодно.

Вера Ильинична видела, конечно, и протекающие краны на кухне, и мокрые от конденсата трубы в туалете, и дыры от облупившейся штукатурки на стенах и потолке в комнатах. Но ее это почему-то не смущало.